

«Вечерка» зажигает «звезды»

«Абсолютное очарование» — орден для Юрия Никулина

Веч. Москва. 1996. 16 дек. с. 7

18 декабря Юрию Владимировичу Никулину исполняется 75 лет. С этой почетной датой счастливо совпала не менее важная для него и нас — 50-летие артистической деятельности.

Юрий Владимирович — такой разный и такой узнаваемый

Его имя и фамилия не терпят никаких эпитетов и прилагательных. Они просто меркнут рядом с ними. Конкуренцию выдерживает лишь одно веселое и звонкое слово — цирк! И хотя наш любимый клоун «Юрик» не выходит на манеж уже пятнадцать лет, это ровным счетом ничего не значит. Он и сейчас живет своим цирком на Цветном бульваре, и когда здесь по вечерам заканчивается первое отделение представления и голос генерального директора произносит, казалось бы, самые банальные слова: «Уважаемые гости, в нашем цирке не курят нигде», вам, курящим, все равно становится легко и весело: Никулин с нами! А что до строгого предупреждения — так ведь это его очередная реприза, улыбаясь, думаете вы и идете вслед за ребятней покупать самое вкусное в мире мороженое, засовывая поглубже в сумку пачку сигарет. Ну просто цирк!

А кто у нас в стране знает самые веселые и умные анекдоты? Вот-вот. Кстати, слышали последнюю новость? Нет? «Му-Му откачали». Поняли?

Началось же все с подаренной пятнадцатилетнему Юре замечательной записной книжки с замочками, благодаря которым в ней можно было легко заменять странички, если захочешь, конечно. Когда Юрия Никулина призвали в армию, в его книжке было уже семьсот анекдотов. Один его сослуживец, бравадный солдатик из Одессы, взялся выиграть у Никулина 10 пачек папирос «Звездочка» на спор: кто больше знает анекдотов. Кончилось, однако, тем, что говорливый одессит уже засыпал, а Никулин все рассказывал. Правда, он тогда еще не понимал природу этой своей любви, не знал, что анекдот — та же реприза.

А смешить всех любил с детства. Попросил маму сшить клоунский костюм и колпачок с кисточкой. И, выйдя так перед гостями, стал падать, как все клоуны мира, так он думал. Но... никто почему-то не смеялся, и он понял, что смешить людей — самое трудное занятие на свете. А потом, уже после войны, когда его не приняли во ВГИК, и он в очередной раз, отстояв по привычке огромную очередь за любимой «Вечеркой», вдруг прочитал в ней такое объявление: «Московский орден Ленина Государственный цирк пригла-

шает в студию разговорного жанра. Готовит клоунов. Заявления принимаются от граждан до 35 лет».

И он пошел в цирк. И остался в нем навсегда. Он долго искал в себе то «смешное», что должно быть в клоуне, и что неуловимо, и что дается только большим артистам. Его «смешным» навсегда стало грустное лицо без грима и умение молчать, когда все умирают с хохоту.

— Мои первые шаги были у Карандаша, — говорит мне Юрий Владимирович, — и считая, что клоун должен быть смешным, я надевал рыжий парик, приклеивал большой нос, замалевывал глаза, делал красными уши и губы. Но однажды ко мне подходит старый акробат и говорит: «Никулин, а зачем ты гримируешься? У тебя и так лицо глупое...»

Но вот странное дело: за его «глупым» лицом кинорежиссер Кулиджанов разглядел большого трагического актера и пригласил в свой фильм «Когда деревья были большими». Он снимался в фильмах, которые мы очень любим, продолжая выходить на манеж. Строчкой из его, на первый взгляд, «глупой» песенки про зайцев из «Бриллиантовой руки» одно время говорила вся страна: «А нам все равно». И это была, пожалуй, самая большая правда о самих себе. Это был эффект «дурака», шута, обронившего случайно истину.

Когда на Цветном бульваре перестраивали цирк, он отстоял в прежнем виде только одну комнату — гардеробную № 10. Здесь гримировались и одевались все наши лучшие коверные: Карандаш, Олег Попов, Леонид Енгибаров, и они — Никулин — Шуйдин.

Я спрашиваю:

— Юрий Владимирович, после вас с Шуйдиным, по сути, не стало больше коверных. Значит — последние?

— Будут, — говорит он уверенно. — Клоуны, как грибы, гурьбой приходят. До войны ведь тоже не было хороших коверных, а потом сразу — Карандаш, Вяткин, Бергман, Антонов и Бартенев, Енгибаров, Олег Попов, ну и мы с Михаилом Шуйдиным. И когда труппа приезжала в какой-нибудь город, очередь за билетами была такая, что даже конную милицию вызывали. И сейчас есть — Марчевский, например, но он редко выступает. Очень способный клоун

Грачик. Но он чаще работает за границей. Нам эта заграница здорово подкузьмила. Раньше артисты цирка редко выезжали — было соревнование. А сейчас мы с Валентином Гнеушевым не можем найти хорошего коверного.

— А ваши репризы кто-нибудь сейчас исполняет?

— Нет. Не могут. Потому что мы их с Шуйдиным делали для себя. Так же и нам однажды захотелось взять чужую репризу, а она у нас не пошла.

— Юрий Владимирович, а про вас анекдоты есть?

— Уже сочиняют. Недавно прочитал где-то, что я рассказывал анекдоты Михаилу Горбачеву. Не было этого. Мой отец в таких случаях говорил: «Врет, как очевидец». Так же неправдой была байка про Карандаша. Рассказывали, что во время войны у него была такая сценка: выходит он на манеж с мешком картошки, садится на него и молчит. Его спрашивают: «Что ты делаешь, Карандаш?».

— «Как вся Москва, сижу на картошке и молчу». За это, говорили, Карандашу дали три года. Врут. А вот такой смешной случай с ними действительно был. Купил он «ЗИЛ». До тормозов ногами не доставал, потому набил на них подставки. Однажды нарушил правила, милиционер его остановил, а он ему: «Я — Карандаш». Тот в ответ: «Да хоть бы ты был шариковой ручкой — штраф, пожалуйста».

— Юрий Владимирович, а при Сталине получал ли кто из артистов цирка премию его имени?

— Только после войны впервые решили внести в списки кандидатов Карандаша и эквилибриста Милаева. Рассказывали, что когда Фадеев читал Сталину список, тот спросил, а что делает в цирке Милаев? Фадеев объясняет, держит,

мол, лестницу, а на ней одиннадцать гимнастов работают. Сталин тогда говорит: «Что же, по-вашему, если охотник убьет 25 уток, ему за это Сталинская премия полагается?» И из списка убрали их фамилии. Но дело в том, что Милаев по алфавиту шел перед Румянцевым, настоящей фамилией Карандаша, если б не это, Карандаш получил бы премию.

Не удерживаюсь, чтоб не спросить, какую из газет он читает и любит.

— «Вечернюю Москву». Потому что «Москва» и потому что «вечерняя». Еще за то объявление, по которому я пришел в цирк.

... В 1946 году никому не известный клоун Юрий Никулин впервые вышел на манеж. И случилось это в калининском цирке «шапито». В декабре 1981 года на том же манеже он работал последний раз. Потом с ним прощались московский цирк. Когда шпехтальмейстер объявил его финальный обход манежа, ему казалось, он не выдержит и заплачет.

— Но тут, знаешь, — говорит он мне, — в голове мелькнула ужасная мысль: а хватит ли водки, что мы заготовили для банкета? И слез как не бывало.

...Валентин Гнеушев, главный режиссер московского цирка, как-то заметил: «За внешней открытостью и неизменным дружелюбием он умеет скрывать многое». Наверное, это так и есть. Большой артист — это всегда тайна. Во всяком случае название ордена «Абсолютное очарование», который придумал Гнеушев для Юрия Никулина и который сейчас срочно изготавливают ювелиры к юбилею артиста, очень точно отражает тайну и магию человека, которого, не скрывая, любит вся страна.

Татьяна ГЛИНКА
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

